

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-314-331>

<https://elibrary.ru/REROOF>

УДК 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ирина МОРОЗОВА

«РЕСПУБЛИКАНСКОЕ МАТЕРИНСТВО» И ДИСКУРС СВОБОДЫ В ДРАМАТУРГИИ МЕРСИ ОТИС-УОРРЕН

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискурса свободы в драматургии Мерси Отис-Уоррен (1728–1814), одной из первых американских писательниц, чье творчество стало художественным выражением идеологии «республиканского материнства» в предреволюционный период и в годы Войны за независимость США. На материале трех сатирических пьес — «Лысец» (1772), «Поражение» (1773) и «Группа» (1775) — анализируются способы конструирования понятий «свобода» и «тирания» как центральных категорий республиканского дискурса. Уоррен использует аллереорию (вымышленная страна Сербия), говорящие имена (Рапацио, Хейзлрод, Хейтолл) и интертекстуальные отсылки (к драме Дж. Аддисона «Катон», поэзии А. Поупа и Э. Янга) для обличения коррупции британской колониальной администрации и морального оправдания сопротивления. Особое внимание уделяется тому, как в пьесах формируется образ добродетельного республиканца (Брут, Кассий), противопоставленного порочному тирану, а также прослеживается эволюция авторской позиции: от призыва к единству и отстаиванию прав до прямого обоснования вооруженного сопротивления. В статье также рассматривается, каким образом драматургия Уоррен, оставаясь в рамках идеологии «республиканского материнства», одновременно расширяет представления о гражданской роли женщины, превращая литературное творчество в форму политического служения и воспитания «духа свободы» в соотечественниках. Делается вывод, что пьесы Уоррен являются не только историко-литературным феноменом, но и действенным политическим инструментом, который способствовал формированию национальной идентичности и республиканской добродетели в ранний период американской государственности.

Ключевые слова: Мерси Отис-Уоррен, «республиканское материнство», дискурс свободы, американская драматургия XVIII века, Американская революция, Война за независимость США, тирания и добродетель, сатирический фарс

Информация об авторе: Ирина Васильевна Морозова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1709-0279>. E-mail: irinamoro@gmail.com

Для цитирования: Морозова И.В. «Республиканское материнство» и дискурс свободы в драматургии Мерси Отис-Уоррен // Литература двух Америк. 2026. № 20. С. 314–331. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-314-331>

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-314-331>

<https://elibrary.ru/REROOF>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Irina MOROZOVA

“REPUBLICAN MOTHERHOOD” AND THE DISCOURSE OF LIBERTY IN THE PLAYWRITING OF MERCY OTIS WARREN

Abstract: This article explores the discourse of liberty in the playwriting of Mercy Otis Warren (1728–1814), one of the first American writers whose work became an artistic expression of the ideology of “republican motherhood” in the pre-revolutionary period and during the American Revolutionary Wars. Using three satirical plays — *The Adulateur* (1772), *The Defeat* (1773), and *The Group* (1775) — the author analyzes the ways in which the concepts of “freedom” and “tyranny” are constructed as central categories of republican discourse. Warren uses allegory (the fictional country of Servia), telling names (Rapatio, Hazlerod, Hateall), and intertextual references (to J. Addison’s drama *Cato* and the poetry of A. Pope and E. Young) to expose the policies of the British colonial administration and morally justify resistance. Particular attention is paid to how the plays develop the image of the virtuous republican (Brutus, Cassius) as opposed to the vicious tyrant, and traces the evolution of the author’s position: from a call for unity and the promotion of rights to a direct justification for armed resistance. The article also examines how Warren’s plays, while remaining within the ideology of “republican motherhood,” simultaneously expand the notion of women’s civic roles, transforming literary work into a form of religious service and the cultivation of a “spirit of freedom” in her compatriots. It concludes that Warren’s plays are not only a historical and literary phenomenon but also an effective political force, contributing to the formation of national identity and republican virtues in the early period of American statehood.

Keywords: Mercy Otis Warren, “republican motherhood,” discourse of liberty, 18th-century American drama, American Revolutionary War, tyranny and virtue, satirical farce

Information about the author: Irina V. Morozova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Miusskaia sq. 6, 125047 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1709-0279>. E-mail: irinamoro@gmail.com

For citation: Morozova, Irina. “‘Republican Motherhood’ and the Discourse of Liberty in the Playwriting of Mercy Otis Warren.” *Literature of the Americas*, no. 20 (2026): 314–331. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-314-331>

Эпоха борьбы за независимость, безусловно, стала одним из важнейших этапов становления не только общенациональных политических и социальных идей, но и значительной вехой в формировании женского самосознания, показала женщин как активно действующих и преданных граждан будущего государства, борцов за свободу. Многие американки навсегда вписали свои имена в анналы национальной истории: Дебора Сэмпсон, Анна Мария Лэйн, Мэри Людвиг Хейс и Маргарет Корбин, участвовавшие в боях наравне с мужчинами; знаменитые разведчицы Лидия Дарра и Нэнси Харт и многие другие. Не менее значимой для революционного движения была литературная и общественная деятельность, которая формировала дискурс о свободе и идеологию «республиканского материнства» (“Republican Motherhood”).

Термин «республиканское материнство» получил распространение в 80-е гг. XX столетия благодаря работе Линды Кербер «Женщины республики: интеллект и идеология в революционной Америке», в которой она утверждает, что, поскольку политическая теория периода борьбы за независимость не предложила программы для участия женщин в общественной жизни, они сами разработали идеологию женского патриотизма [Kerber 1986]. Суть «республиканского материнства» заключалась в том, что главная гражданская роль женщины отводилась воспитанию сыновей и поддержке мужей, которым предстояло стать добродетельными и ответственными гражданами республики. Важно отметить, что, по мнению Л. Кербер, эта идеология, с одной стороны, ограничивала женщин сферой домашнего очага, но, с другой, предоставляла им новое, политически значимое призвание и оправдывала их доступ к образованию, чтобы они могли лучше обучать своих детей принципам свободы и демократии.

Обращает на себя внимание, что эта идеология предполагала определенный уровень самостоятельности, поскольку «женщины должны сами себя обучать принципам свободы, независимости и демократии с тем, чтобы прививать эти республиканские принципы молодому поколению» [Clark 2002:11].

В условиях переходного периода материнство стало одним из ключевых факторов формирования гражданского общества. Оно стало рассматриваться как социальный институт, который может способствовать благополучию нации в целом. Иными словами,

женщины стали восприниматься важными членами общества, обладающими общественно-политическими обязанностями [Себрюк 2023: 102].

Хотя дневники женщин периода Войны за независимость отражают «растерянность, непонимание и ужас от того, что война разделила вчерашних соседей, друзей и родственников, фактически превратилась в гражданскую войну» [Короткова 2014: 8], тем не менее, многие американки, как до войны, так и непосредственно во время и после нее активно участвовали в дискуссии о свободе и независимости, формируя в своих сочинениях не только представления о новом государстве, но и обозначая роль женщины в жизнедеятельности нового общественного организма, осознавая, что конституционная «модель гражданина отвела им слишком мало места в жизни новой нации» [Kritzer 1996: 150].

Это понимание отчетливо отражено в известном письме Абигейл Адамс, жены будущего второго президента США, от 31 марта 1776 г., настаивающей на включении в готовящуюся конституцию США положений, гарантирующих независимость женщин:

Я жажду услышать, что вы провозгласили независимость. И между прочим, в новом своде законов, который, как я полагаю, необходимо вам издать, я хотела бы, чтобы вы вспомнили о женщинах и были более щедрыми и благосклонными по отношению к ним, чем ваши предшественники. Не отдавайте такую безграничную власть в руки мужей. Помните, что все мужчины были бы тиранами, имей они волю. Если особая забота и внимание не будет уделено женщинам, то мы будем вынуждены восстать, не связывая себя обязательствами законов, которые отказывают нам в праве голоса или представительства¹.

Тем не менее «республиканское материнство» не претендовало на равные права мужчин и женщин; эта идеология давала женщинам политическую, хотя и не главную, роль в ранней республике. Так, К. Беркин говорит о традиционной роли женщин как жен, матерей и «помощниц» в колониальной Америке и утверждает, что действия

¹ Abigail Adams to John Adams. March 31, 1776. Adams Family Papers, Massachusetts Historical Society. <https://www.masshist.org/digitaladams/archive/doc?id=L17760331aa>.

женщин во время войны не стирали грань между мужскими и женскими ролями, а служили продолжением традиционного предназначения женщины как помощницы мужчины, в первую очередь, своего мужа. Она утверждает, что революция «расширила до предела» идею о том, что женщины служат помощницами своим мужьям, но в конечном итоге не ознаменовала качественного изменения женской роли [Berkin 2005].

В идеологии «республиканского материнства» тема свободы была поставлена во главу угла. Не случайно даже известная общественная организация женщин носила название «Дочери свободы» (“The Daughters of Liberty”, 1765), хотя, как свидетельствуют многочисленные исследования этого феномена, единого представления о рамках свободы для женщин того времени не было. Как заявляет К. Дэвидсон, «республиканское материнство» — это не просто статичная идеология, но переходная культурная модель, которая одновременно и ограничивала, и расширяла возможности американских женщин в постреволюционную эпоху [Davidson 1986].

Поскольку процесс формирования молодого государства затрагивал не только политические аспекты, но и вопросы оформления культурной жизни, то закономерно, что именно в этот период женщины начинают активно проявлять себя и в литературном, творческом плане. Не случайно поэтому первые писательницы молодой нации в своем творчестве обращались к наиболее насущным общественно-политическим проблемам своего времени и своей страны. Совершенно справедливо утверждение, что литературные дискуссии того времени были прежде всего дискуссиями о путях становления нового государства, в котором должна быть и своя литература, отвечающая требованиям молодой нации: «Собственная литература представляется прежде всего необходимой для национального самоутверждения», так что «в этих дискуссиях на первый план выходит не эстетический, а политический аспект» [Апенко 1997: 702].

Закономерно, что первые писательницы молодой нации в своем творчестве обращались к наиболее насущным общественно-политическим проблемам своего времени и своей страны, прославляли идеалы долга и гражданской добродетели. Особую роль в формировании политических идей сыграло развитие драматургии, которая в период Войны за независимость была не столько высоким искусством, сколько политическим инструментом и школой патриотизма. Пьесы

того времени редко были высокохудожественными; скорее, они представляли собой политические памфлеты, написанные в диалогах. Драма стала настоящим пропагандистским оружием, активно формирующим общественное мнение, она была средством обсуждения концепций республиканизма, свободы и тирании.

Вдохновением для многих авторов пьес служила очень популярная в революционную эпоху драма британца Джозефа Аддисона «Катон» (*Cato, a Tragedy*, 1713), прославлявшая гражданскую доблесть и жертвенность ради свободы. Главная тема пьесы — конфликт свободы и тирании, безусловно, соответствовала ситуации, сложившейся в колониях.

Среди драматургов и представительниц «республиканского материнства» следует назвать Мерси Отис-Уоррен (Mercy Otis Warren, 1728–1814), драматурга, поэтессу, публициста и историка, взявшую на себя обязанность воспитания новых граждан республики. В отличие от большинства женщин конца XVIII в., Уоррен жила в среде, которая позволяла ей откровенно высказывать свои мысли по поводу текущих событий: она была дочерью известного в Массачусетсе политика, сестрой не менее известного юриста и женой Президента Провинциального конгресса Массачусетса, а до определенного момента, когда она дала нелицеприятную оценку деятельности Джона Адамса, она приятельствовала с ним и Абигайль Адамс. В доме Уорренов в Плимуте постоянно проходили протестные собрания патриотов. В 1769 г. ее брат Джеймс был жестоко избит чиновниками колониального правительства. Это вдохновило Мерси на открытое заявление своей политической позиции и публикацию своих сочинений, которые она, правда, долгое время издавала анонимно, считая, что произведения, написанные женщиной, не смогут произвести должного впечатления.

В своем *magnum opus* — «История начала, развития и окончания американской революции, снабженная биографическими,

Дж. Синглтон Копли. Портрет Мэри Отис-Уоррен (1763).

политическими и моральными рассуждениями» (1805) — она писала: «Забота о благополучии общества должна одинаково пылать в каждом человеческом сердце»². В своем обращении к читателю Уоррен заявляет, что пишет она «с открытым сердцем, полным надежд на сохранение свободы и процветания Америки»³.

Действительно, основной посыл автора этого большого трехтомного труда — избежать главной угрозы республике, нависшей над страной благодаря действиям федералистов, а именно, превращения республики в тиранию. Как справедливо утверждает Е.М. Апенко, «история начала, развития и окончания Американской революции» стала

продолжением политической борьбы, которую она [Уоррен] вела всю сознательную жизнь. Повествовательные стратегии ее текста не изменились, и, как представляется, именно этот пафос борьбы и протеста оказался чуждым времени [Апенко 2017: 194].

Думается, что особенно важным для понимания этого пафоса имеет период творчества Мерси Отис-Уоррен до начала активных действий колонистов, где главным посылом ее «пылающего сердца», выраженным в пьесах, стал прямой призыв к борьбе за свободу, где свобода являлась абсолютной добродетелью, а тирания рассматривалась как глубочайшая порочность человеческой натуры и общества. Так, в своей первой пьесе «Льстец» (*The Adulateur*, 1772), сатирическом фарсе — жанре, в котором написаны все пьесы Уоррен, она обращается к своим соотечественникам с призывом сплотить ряды против тирании и точно так же, как Катон, пожертвовать своей жизнью ради свободы. Эта мысль уже выражена в выбранном ею эпитафье — цитате из пьесы «Катон»:

Then let us rise my friends, and strive to fill
This little interval, this pause of life,
(While yet our liberty and fates are doubtful)
With resolution, friendship, Roman bravery,

² Warren, Mercy O. *History of the Rise, Progress, and Termination of the American Revolution. Interspersed with Biographical, Political and Moral Observations*. Boston, 1805: iv.

³ Ibid.: viii.

And all the virtues we can crowd into it;
That Heav'n may say it ought to be prolong'd.⁴

В своем сатирическом фарсе Уоррен разоблачает коррупцию британской власти и показывает колонистам необходимость отстаивать свои права. Сюжет повествует о том, как правитель вымышленного государства Сервии (от лат. “servus” — раб) Рапацио (от лат. “rapere” — грабить, похищать) использует лесть и подкуп и окружает себя покорными слугами, стараясь укрепить свое тираническое правление, разрушая права других людей и превращая их в рабов:

The early taint has rankled in my veins;
Dispotic rule my first, my sov'reign wish.
Yet to succeed, beyond my sanguine hope,
To quench the generous flame, the ardent love
Of liberty in Servia's free born sons,
Destroy their boasted rights, and mark them slaves (MW-A)

Ему противостоят свободолюбивые сенаторы с говорящими именами Брут и Кассий, стремящиеся сплотить своих сограждан против деспотической власти Рапацио. В открывающем пьесу диалоге Брута и Кассия оба с жаром говорят о несчастной судьбе Сервии:

BRUTUS: Is this the once fam'd mistress of the north?
The sweet retreat of freedom? dearly pur|chas'd!
A clime matur'd with blood; from whose rich soil,
Has sprung a glorious harvest. — Oh! my friend,
The change how drear! the sullen ghost of bondage,
Stalks full in view — already with her pinions the sullen ghost
of bondage,
Stalks full in view — already with her pinions,
She shades the affrighted land — the insulting soldiers,
Tread down our choicest rights; while hoodwink'd justice
Drops her scales, and totters from her basis.
Thus torn with nameless wounds, my bleeding country
Demands a tear — that tear I'll freely give her (MW-A).

⁴ Warren, Mercy O. *The Adulateur. A Tragedy, as It Is Now Acted in Upper Servia*. Boston, 1772. <https://www.celebratemericyotiswarren.org/THE%20ADULATEUR.pdf>. Далее ссылки на это изд. даны в тексте в круглых скобках с пометой “MW-A”.

Кассий развивает мысль о несчастной судьбе Сервии, призывая одновременно оглянуться на героев прошлого и в их деяниях черпать дух свобододолюбия и борьбы с тиранией:

Oh! Brutus, our noble ancestors,
 Who liv'd for freedom, and for freedom dy'd:
 Who scorn'd to roll in affluence, if that state
 Was sicken'd o'er with the dread name of slaves:
 Who in this desert stock'd with beasts and men,
 Whose untam'd souls breath'd nought but slaughter —
 Grasp'd at freedom, and they nobly won it (MW-A).

Главным в пьесе, несомненно, является дискурс свободы: на 26 страницах слова “freedom” и “liberty” встречаются 47 раз: все пресмыкающиеся перед Рапацио слуги отвергают права граждан, а оппозиционные сенаторы бесконечно говорят о необходимости предоставления свободы гражданам государства. При этом, как уже указывалось выше, свобода в понимании Уоррен является добродетелью, а тирания — признаком порочности человеческой натуры: речь судьи Хейзлрода (англ. “hazelrod” — прут для порки) оказывается «весьма приятной для сторонников произвола власти и столь же отвратительной для каждого добродетельного человека» (MW-A).

Завершается пьеса неудачей сторонников Кассия и Брута в их стремлении обуздать деспотические законы Рапацио, но их дух не сломлен, и в заключительной речи Брут говорит о необходимости продолжения борьбы несмотря на то, что их страну ждут большие потрясения.

Безусловно, современникам Мерси Отис Уоррен была абсолютна понятна прямая аллегория пьесы на происходившие в то время события. Под именем Рапацио был выведен последний королевский губернатор Массачусетса Томас Хатчинсон, во время правления которого произошло убийство 11-летнего мальчика Кристофера Зайдера. В пьесе Уоррен появляется образ мученика за свободу: «Родитель оплакивает своего ребенка, опору старости, безвременно сраженного» (MW-A). Убийца Зайдера Эбенезер Ричардсон, один из самых ненавидимых людей в Бостоне накануне Американской революции, выведен в пьесе почти под своим собственным именем, сохранены его инициалы — E-R. В образе Кассия представлен брат Мерси Уоррен Джеймс Отис, образец героического республиканца, воплощение разума и добродетели.

События двухлетней давности были использованы Уоррен для того, чтобы оправдать действия патриотов в 1772 г. Этот год стал для Массачусетса поворотным моментом: после двух лет относительного затишья колонисты перешли от уличных протестов к созданию подпольной политической структуры, которая в конечном итоге привела к революции. В ноябре 1772 г., после того как стало известно, что губернатор Хатчинсон и судьи отныне будут получать жалование напрямую от короны, патриоты восприняли это как конец их свободы, потому что судьи, не зависящие от местных налогов, будут подчиняться только королю, и справедливости от них ждать не придется.

Дискуссию о необходимости борьбы за права колонистов Мерси Отис Уоррен продолжила в двух других своих предреволюционных пьесах — «Поражение» (*The Defeat*, 1773) и «Группа» (*The Group*, 1775). «Поражение» продолжает сюжетную линию первой пьесы и направлена против Томаса Хатчинсона и его сторонников-лоялистов. Эпиграфом к этому сочинению является отрывок из «Эпистолы к мистеру Поупу» (*Epistle to Mr. Pope*, 1730) Эдварда Янга, в которой Янг встает на сторону поэта, подвергнувшегося нападкам после опубликования «Дунсиады»:

O how I laugh when I a blockhead see
Thanking a villain for his probity,
Who stretches out a most respectful ear
With snares for wood-cocks in his holy leer,
It tickles through my soul to hear the cock's
Sincere encomium on his friend the fox,
Sole patron of his liberties and rights,
While graceless reynard listens — till he bites⁵.

Из области литературной Уоррен переносит эти строки в плоскость политической борьбы. Она сравнивает ситуацию, когда глупец благодарит злодея за его честность, с ситуацией, когда колонисты всерьез верят в добродетели продажных чиновников, и в своей пьесе обличает все то, что делает колонистов жертвами. Уоррен продолжает использовать вымышленную страну Сервия для критики британского правления в Массачусетсе. Этот прием позволял ей избегать прямых

⁵ Warren, Mercy O. "The Defeat." *The Boston Gazette* (May–July, 1773). <https://www.celebratemericyotiswarren.org/THE%20DEFEAT.pdf>. Далее ссылки на это изд. даны в тексте в скобках с пометой "MW-D".

обвинений в измене и оставаться в рамках классической сатирической традиции. Как и в «Льстеце», центральная идея «Поражения» — моральное оправдание сопротивления тирании. Уоррен показывает, что поскольку Рапацио и его судьи попирают закон и справедливость, сопротивление, причем уже далеко не мирное, является добродетелью как для отдельной личности, так и для населения колоний в целом. Однако и Рапацио уже не тот циничный победитель из «Льстеца», он страшится своего будущего, ощущая неотвратимость гибели тирании и выхода на свет истины о его деспотичном правлении, когда все маски будут сорваны и все увидят его душу, «изуродованную алчностью и гордостью»:

I now detested, shunned by every friend,
A monument to after times I stand.
I plunge, I sink. Oh save me from despair.
Truth, sacred truth, none longer can resist <...>

<...> Truth, sacred truth, none longer can resist.
Conviction clear
Strikes every honest undesigning heart.
Resentment kindles in the offended senate.
The citizens alarmed. The world's convinced
That we're the miscreants that have sold their rights,
Yet cheated many with a false pretense
That we alone the public welfare sought.
The mask is off, and my detested form
Is known to those who have been most deceived (MW-D).

Для усиления эффекта своего обличительного запала при изображении порочного правления губернатора Уоррен вставляет в текст, написанный белым стихом, прозаическое обращение к издателям, чтобы те не подумали, что пьеса не имеет ничего общего с действительностью. В этом обращении Уоррен с горечью пишет о том, что убийца Кристофера Зайдера был освобожден из тюрьмы:

На прошлой неделе Эбенезер Ричардсон, эсквайр, которому недавно удалось избежать повешения за убийство молодого Зайдера благодаря необычайной милости нашего благочестивого и милостивого монарха, отправился в Филадельфию, будучи назначенным офи-

цером таможи за свои выдающиеся заслуги перед Правительством (MW-D — Перевод мой).

«Поражение» является прямым продолжением «Льстеца», но на этот раз Рапацию не удастся победить патриотов. Поражение настигает его самого и его приспешников, причем поражение двойное: и моральное (интриги и коррупция тиранов в конечном счете бессильны перед добродетелью), и политическое (они теряют контроль над ситуацией). Вера в поражение тирана, выраженная в «Льстеце», была созвучна настроениям в Массачусетсе, и пьеса стала одновременно и живым откликом на события, и призывом к более активным действиям, что, в сущности, было довольно радикальным шагом еще за два года до начавшихся военных действий.

Беспощадная сатира на королевских чиновников звучит и в пьесе «Группа», эпиграфом к которой стали строки Александра Поупа:

What! arm'd for virtue, and not point the pen,
Brand the bold front of shameless guilty men,
Dash the proud Gamester from his gilded car.
Bare the mean heart which lurks beneath a star,
Shall I not strip the gilding off a knave,
Unplac'd, unpension'd, no man's heir or slave?
I will or perish in the gen'rous cause;
Hear this and tremble, ye who 'scape the laws.
Yes, while I live, no rich or noble knave,
Shall walk the world in credit to his grave;
To virtue only, and her friends, a friend,
The world beside may murmur, or commend⁶.

Как поясняет Мерси Уоррен,

Автор счел уместным позаимствовать следующие проникновенные строки у покойного знаменитого поэта и предложить их публике в качестве пролога, который, несомненно, придется по вкусу в этот критический момент (MW-G. — Перевод мой).

⁶ Warren, Mercy O. *The Group*. Boston: 1775. <https://www.celebratemercuryotis-warren.org/THE%20GROUP.pdf>. Далее ссылки на это изд. даны в тексте в скобках с пометой “MW-G”.

Здесь, как и во всех предшествующих сочинениях, четко выражается мысль о готовности погибнуть ради благородного дела, звучит решимость продолжать разоблачать несправедливость и защищать добродетель несмотря на недовольство «всего остального мира». В пьесе Уоррен изображена группа политиков и чиновников-лоялистов, чтобы публично высмеять их и показать их трусость, жадность и предательство ими интересов колоний. Там действуют под вымышленными говорящими именами как реальные политические противники семьи Уоррен, так и враги всего дела патриотов. Это уже знакомые по предыдущим пьесам Хейзлрод — Питер Оливер, главный судья Массачусетса, личный враг семьи Уоррен; Рапацио — губернатор Хатчинсон. Есть и собирательные образы с говорящими фамилиями, например, Nateall (Ненавидящий всех), Sir Sparrow Spendall (Сэр Воробей Транжира) и др.

В пьесе почти нет действия — это серия ярких диалогов, где группа лоялистов собирается вместе, чтобы обсудить, как подавить восстание и сохранить свои привилегии. Уоррен изображает их сборищем трусов, лицемеров и жестоких эгоистов, в авторской ремарке особо подчеркивая их интеллектуальные предпочтения:

В одном углу комнаты располагается небольшой шкафчик с книгами, предназначенный для тех, кто склонен к учебе и размышлениям. Содержит «Левиафан» Гоббса, проповеди Сибтропа⁷, «Историю» Хатчинсона⁸, басню о пчелах⁹, труды Филалета о Филантропе¹⁰

⁷ Роберт Сибторп (Robert Sibthorp, ? – 1662) — английский священник, получивший известность во время правления короля Англии Карла I за свою открытую защиту божественного права королей; отстаивал доктрину «пассивного повиновения», утверждавшую, что люди несут моральный долг подчиняться закону, в частности, принимать наказание как часть этого подчинения.

⁸ Имеется в виду первый том четырехтомного сочинения Томаса Хатчинсона «История Массачусетса» (*The History of the Colony of Massachusetts-Bay*, 1764) Это не просто хроника событий. Лоялист Хатчинсон доказывал в этом труде, что британское правительство и колониальные власти на протяжении истории работали сообща на благо людей.

⁹ «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — благо для общества» (*The Fable of the Bees, or Private Vices, Public Benefits*, 1714) — провокативное произведение англо-голландского философа и сатирика Бернарда Мандевиля (Bernard de Mandeville, 1670–1733), где развивалась мысль о том, что пороки, вроде эгоизма, жадности и тщеславия, способствуют процветанию общества гораздо больше, чем альтруизм и добродетель.

¹⁰ Саркастическая переписка в бостонских газетах 1773 г. между двумя авторами — Томасом Хатчинсоном и, предположительно, Сэмюэлем Адамсом

с приложением писем от Жителя Массачусетса¹¹, труды Хойла о висте¹², жития Стюартов¹³, статуты Генриха VIII и Вильгельма Завоевателя¹⁴, речи Веддерберна¹⁵ и акты парламента за 1774 год (MW-G).

Труды, содержащиеся в шкафчике, говорят о политических взглядах собравшихся и используются Мерси Уоррен как нарицательный символ коррумпированной, тиранической британской власти. От установлений Вильгельма Завоевателя до Гоббса, утверждавшего, что суверен не несет ответственности перед народом, и парадоксалиста Мандевилля, утверждавшего, что частные пороки

под псевдонимами «Филалет» (Philalethes) и «Филантроп» (Philanthrop) соответственно. Переписка была инициирована скандальными письмами Хатчинсона, бывшего губернатором Массачусетса в 1771–1774 гг. В 1773 г. Бенджамин Франклин, бывший тогда агентом колоний в Лондоне, получил частные письма Хатчинсона, написанные в 1760-х гг. и адресованные министрам в Лондоне, в которых он советовал, как справиться с непокорными колонистами, ущемляя их права. Когда эти письма были обнародованы в Бостоне, разразился скандал. Для патриотов это стало неопровержимым доказательством заговора против их свобод. В Лондоне Хатчинсона публично защищал королевский юрист, а Франклина прилюдно унижил юрист и политик Александр Веддерберн (Alexander Wedderburn, 1733–1805), обвинив его во лжи, воровстве, подстрекательстве к мятежу и не давая возможности своему оппоненту произнести ни единого слова в свою защиту.

¹¹ Житель Массачусетса (Massachusettensis) — псевдоним Дэниела Леонарда (Daniel Leonard, 1740–1829), американского юриста, который во время Войны за независимость стал одним из самых ярких публицистов-лоялистов и вел полемику с патриотами.

¹² Серия книг, написанная Эдмондом Хойлом (Edmond Hoyle, 1672–1769), создателем первого научного руководства по карточным играм. Свой первый и самый знаменитый труд Хойл посвятил висту — «Краткий трактат об игре в вист» (*A Short Treatise on the Game of Whist*, 1742). Мерси Уоррен упоминает книгу о висте, чтобы показать всю пустоту и моральное ничтожество людей, предавших американское дело.

¹³ *The Lives of the Stewarts* — книга Генри С. Беннета (Henry S. Bennet, 1618–1685) о династии Стюартов, прекратившей свое существование в 1714 г. Мерси Уоррен здесь показывает людей, восхваляющих свергнутую католическую династию и ее борьбу за власть, т. е. демонстрирующих устаревшие, тиранические и антинародные взгляды.

¹⁴ Вильгельм I (1066–1087) — герцог Нормандии, завоевавший Англию силой. Для колонистов он был чужеземным захватчиком, уничтожившим исконные свободы, символом узурпации власти. Генрих VIII (1509–1547) — король, разорвавший отношения с Римом, провозгласивший себя главой англиканской церкви и издававший законы, расширившие королевскую власть до абсолютной; для колонистов он был символом деспотической законодательной власти.

¹⁵ См. примеч. 10.

ведут к общественной выгоде — все свидетельствует о порочности и привязанности к тираническому королевскому правлению той публики, что собирается в этой гостиной. Эти персонажи обсуждают, как подавить восстание, демонстрируя трусость и эгоизм. Они боятся потерять свои привилегии и власть, одновременно понимая, к каким последствиям может привести их позиция, выраженная самым отъявленным негодяем в пьесе — бригадиром Хейтоллom, уподобляющим себя Нерону:

Though blood and carnage spread thro' all the land;
Till streaming purple tinge the verdant turf...
I Nero like, the capital in flames <...>
As all our hope depends on brutal force
On quick destruction, misery and death;
Soon may we see dark ruin stalk around,
With murder, rapine, and inflicted pains,
Estates confiscate, slav'ry and despair,
Wrecks, halters, axes, gibbeting and chains,
All the dread ills that wait on civil war (MW-G).

Хейтолл показан не только как жестокий политик, но и как человек беспринципный и аморальный: он унижает достоинство женщины и проповедует насилие.

I broke her spirits when I'd won her purse;
For which I'll give a recipe most sure
To ev'ry hen peck'd husband round the board;
If crabbed words or surly looks won't tame
The haughty shrew, nor bend the stubborn mind,
Then the green Hick'ry, or the willow twig,
Will prove a curse for each rebellious dame
Who dare oppose her lord's superior will (MW-G).

В этом фрагменте Уоррен поднимает проблему отношения к женщине, и это свидетельствует о расширении проблематики ее пьес, которая заметна уже в следующей ее пьесе «Болваны» (*The Blockheads*, 1776), где впервые появляются женские персонажи. Тем не менее эта тема так и не станет центральной в творчестве Мерси

Отис Уоррен, остававшейся в рамках привычных для того времени представлений о месте женщины в обществе.

Особенно ярко низость большинства лоялистов оттеняет фигура Сириуса, прототипом которого был генерал Томас Гейдж, с 1763 по 1775 гг. занимавший пост главнокомандующего британских войск. Сириус пытается действовать по совести, которая не дает ему права жестоко подавлять патриотов. В отличие от Хейтолла, Сириус не хочет «все обращать в руины», он выступает как «голос разума» среди отъявленных злодеев. Это фигура трагического героя, разрывающегося между долгом перед короной и человечностью. Он считает, что во имя процветания короны нельзя сеять смерть в колониях: «Я лишь хочу хорошо служить своему монарху <...> что нельзя сделать, неся разрушение этой верной стране» (MW-G).

Однако «голос разума» не воспринимается членами «Группы», они идут на битву, и пьеса завершается почти апокалиптической картиной: сыновья свободы побеждают, но ценой многих жертв, которые, однако, не будут напрасны:

What painful scenes are hov'ring o'er the morn,
When spring again invigorates the lawn!
Instead of the gay landscape's beautilous dies,
Must the stain'd field salute our weeping eyes,
Must the green turf, and all the mournful glades, <...>
Till British troops shall to Columbia yield,
And freedom's sons are Masters of the field;
Then o'er the purpl'd plain the victors tread
Among the slain to seek each patriot dead,
(While Freedom weeps that merit could not save
But conq'ring Hero's must enrich the Grave)
An adamantine monument they rear
With this inscription — Virtue's sons lie here! (MW-G).

Уоррен показывает, что колониальное общество переживает эпическую битву между добродетельными сынами и порочными правителями. Ее политические пьесы укрепляли дух сопротивления британской тирании. Во всех ее пьесах свобода представлена как высшая добродетель, а тирания — как порочная практика. Уоррен была убежденной республиканкой, сторонницей естественного права

и проповедницей честности и преданности обществу — качеств, которые служат основой устойчивости и процветания государства. Вне всякого сомнения, она была одной из тех первых американок, которые видели своей задачей воспитание гражданских добродетелей, стремились поддерживать дух свободы в своих соотечественниках, тем самым вырабатывая идеологию «республиканского материнства», распространившуюся в эпоху Войны за независимость и ставшую для многих женщин конца XVIII–начала XIX вв. эмансипационным ресурсом, который открывал для женщин возможность взять на себя новую миссию — служение государству.

ЛИТЕРАТУРА

Апенко 1997 — Апенко Е.М. Американский роман XVIII века // История литературы США. Т.3. Литература середины XIX в. (поздний романтизм). М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 702–710.

Апенко 2017 — Апенко Е.М. Первые «Истории» американской революции: дискурс самоидентификации // Война в американской культуре: тексты и контексты. М: РГГУ, 2017. С. 185–195.

Короткова 2014 — Короткова С.А. Предисловие// Американская революция в женских дневниках / сост. и пер. с англ. С.А. Коротковой. М.: Принципиум, 2014. С. 7–24.

Себрюк 2023 — Себрюк А.Н. Республиканская мать: женский идеал в ранней истории США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. №10. С. 93–105.

REFERENCES

Apenko 1997 — Apenko, Elena M. “Amerikanskii roman XVIII veka” [“American Novel of the XVIII Century”]. In *Istoriia literatury SSHA* [The History of Literature of the USA], Vol. 3, 702–710. Moscow: Naslediye Publ., 1997. (In Russ.)

Apenko 2017 — Apenko, Elena M. “Pervye ‘Istorii’ amerikanskoi revoliutsii: diskurs samoidentifikatsii” [“The first ‘Histories’ of the American Revolution: Discourse of Self-Identification”]. In *Voina v amerikanskoi kul'ture: teksty i konteksty* [War in American Culture: Texts and Contexts], 185–195. Moscow: RGGU Publ., 2017. (In Russ.)

Berkin 2005 — Berkin, Carol. *Revolutionary Mothers: Women in the Struggle for America's Independence*. New York, 2006.

Clark 2002 — Clark, Mary. “The Role of Republican Motherhood and the Emergence of the Public Woman.” *Women's Law Caucus*, Issue 8 (March 2002): 11–15.

Davidson 1986 — Davidson, Cathy N. *Revolution and the Word: The Rise of the Novel in America*. New York, 1986.

Kerber 1986 — Kerber, Linda K. *Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America*. New York, 1986.

Korotkova 2014 — Korotkova Svetlana A. “Vvedenie” [“Introduction”]. In *Amerikanskaia revolyutsia v zhenskikh dnevnikhakh* [The American Revolution in Women's Diaries], 7–24. Moscow: Printsipium Publ., 2014. (In Russ.)

Kritzer 1996 — Kritzer, A.H. “Playing With the Republican Motherhood. Self-Representation in Plays by Susanna Haswell Rowson and Judith Sargent Murray.” *Early American Literature*, no. 31 (1996): 150–167.

Sebryuk 2023 — Sebryuk, Anna N. “Respublikanskaia mat’: zhenskii ideal v rannei istorii SSHA” [“The Republican Mother: The Feminine Ideal in Early American History”]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul’tura*, no. 10 (2023): 93–105. (In Russ.)

© 2026, И.В. Морозова

Дата поступления в редакцию: 13.04.2026

Дата одобрения рецензентами: 04.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

© 2026, Irina V. Morozova

Received: 13 Apr. 2026

Approved after reviewing: 04 May 2026

Date of publication: 25 Jun. 2026